

Ю.А. Пустовойт*

СТРУКТУРЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ М. ДЕЛАНДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАБИЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯdoi:10.31518/2618-9100-2026-1-10
УДК 364.122.5

Выходные данные для цитирования:
Пустовойт Ю.А. Структуры местной власти в контексте теории ассамбляжей М. Деланды: возникновение, стабилизация и особенности развития // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 126–137.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-10.pdf>

Yu.A. Pustovoyt*

LOCAL GOVERNMENT STRUCTURES IN THE CONTEXT OF M. DELANDA'S THEORY OF ASSEMBLAGE: EMERGENCE, STABILIZATION AND DEVELOPMENT FEATURES

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-10

How to cite:
Pustovoyt Yu.A. Local Government Structures in the Context of M. DeLanda's Theory of Assemblage: Emergence, Stabilization and Development Features // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 126–137.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-10.pdf>]

Abstract. The article is based on the ontology of complex societies by M. DeLanda as well as the ideas of D. Gerber and D. Wengrow on the alternative ways of constructing power relations in the history of mankind. It proposes to consider a categorical apparatus that allows detecting connections between the type of city and the type of power relations reproduced in it. To determine the framework of the city and its possible combinations with other human and non-human components, the theory of assemblages developed by M. DeLanda is taken as a basis. According to it, the city acts as a “not a single integrity”, a dynamic construction that arises in the course of interaction of various assemblages: people, networks, organizations and infrastructure components (buildings, streets and channels for the movement of matter and energy flows). Drawing on the results of the discussion in American science in the 1960s, the results of modern Russian research and the conclusions of M. Haugaard on the nature of power, it is proposed to operationalize possible types of local power through the concept of “political and administrative regime of the city”. Three complexes of markers are highlighted in it: the level of political competition, compliance with administrative standards, and connectivity of infrastructure. The first two parameters allow to imagine combinations of power relations as poles of a continuum from the “control regime” (no competition and no administrative transparency) to the coordination regime. Focusing on the historically established types of urban assemblages identified by M. DeLanda, such as central cities and port cities, the hypothesis on the relationship between the emergence and stabilization of regimes with complexes of geographical urban conditions, strategies of political actors, and the emergence of infrastructure that meets their goals is tested using historical material from ancient urbanized settlements. The collected historical material confirms that in central cities, local power relations will most likely stabilize as a “control” regime, and in cities that are hubs of trade networks it will do so as a “coordination” regime.

Keywords: local power, urban regime, assemblage, city, elites, infrastructure.

* **Юрий Александрович Пустовойт**, кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Yury Aleksandrovich Pustovoyt, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: pustovoyt1963@gmail.com

The article has been received by the editor on 07.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе онтологии сложных обществ М. Деланды и идей Д. Гербера, Д. Уэнгроу об альтернативности способов построения властных отношений в истории человечества предлагается рассмотреть категориальный аппарат, позволяющий обнаруживать связи между типом города и воспроизводимым в нем типом властных отношений. Для определения рамок города и возможных сочетаний его с иными человеческими и нечеловеческими компонентами взята за основу разработанная М. Деландой теория ассамбляжей, где город выступает как «неединая целостность», динамическая конструкция, возникающая в ходе взаимодействия различных ассамбляжей: людей, сетей, организаций и инфраструктурных компонентов (зданий, улиц и каналов для перемещения потоков материи и энергии). Опираясь на результаты дискуссии в американской науке 1960-х гг., итоги современных российских исследований и выводы М. Хаугаарда о природе власти, автор предлагает операционализировать возможные типы местной власти через понятие «политико-административный режим города», выделив в нем три комплекса маркеров: уровень политической конкуренции, соблюдение административных стандартов и связанность инфраструктуры. Два первых параметра позволяют представить сочетания властных отношений как полюса континуума от «режима контроля» (нет состоятельности и нет административной прозрачности) до режима координации. Ориентируясь на выделенные М. Деландой исторически сложившиеся типы городских ассамбляжей: города – центральные места и города-порты, автор на историческом материале древних урбанизированных поселений проверяет гипотезу о взаимосвязях возникновения и стабилизации режимов с комплексами географических городских условий, стратегий политических акторов, появления соответствующей их целям инфраструктуры. Собранный исторический материал подтверждает, что в городах – центральных местах, вероятнее всего, местные властные отношения будут стабилизироваться как режим «контроля», а в городах – узлах торговых сетей – как режим «координации».

Ключевые слова: местная власть, городской режим, ассамбляж, город, элиты, инфраструктура.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Источником вдохновения для написания статьи послужили две книги: «Заря всего. Новая история человечества» Дэвида Гребера и Дэвида Уэнгроу¹ и «Новая философия общества» М. Деланды². Конечно, употребление слова «новый» в научном контексте вызывает закономерный скепсис, тем не менее авторам первой книги удалось поставить под сомнение привычный эволюционный нарратив неизбежности становления государственных иерархий и обязательности принуждения в процессах управления. Автору второй – обосновать отказ от поисков истинной сущности общества и предложить многоуровневую онтологию, на основе которой возможно изучение конкретных динамических сборок элементов (ассамбляжей), включающих в себя человеческие и нечеловеческие компоненты. Высказанные идеи позволяют нам в несколько ином ключе объяснять формирование властных отношений, особенно на том уровне, который обозначается как местная власть.

В современной российской политической науке обычно проблемы местной власти отождествляются с проблемами местного самоуправления, и происходящие здесь процессы рассматриваются в контексте институциональных и правовых рамок, где на первое место

¹ Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М., 2025.

² Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.

выносятся вопросы правового статуса, электорального участия населения, финансовой или политической зависимости. В работах Р. Туровского³, С. Кордонского⁴, Ю. Плюснина⁵ действующие на локальном уровне структуры описываются через процесс их интеграции в единую систему центральной и публичной власти, что ведет к потере местной независимости.

Предложенный материал в большей степени сосредоточен на выделении приоритетов локальных политических акторов и формировании ими властных взаимодействий. Эта область проблем наиболее ярко проявилась в дискуссии 1960-х гг. в США между «элитистами» и «плюралистами». «Элитисты» (Ф. Хантер, Дж. Гэвента, М. Кренсон), чьи взгляды в наиболее радикальной форме обобщил Ч. Райт Миллс, утверждали, что в американском обществе власть концентрируется в руках небольшой группы «властвующей элиты»⁶. В ценностном аспекте исследования подрывали основы американской демократии, в методологическом – сама фиксация проблемы «элитистами» и используемые ими методы (особенно репутационный анализ Ф. Хантера) неизбежно приводили к обнаружению единой доминирующей властной группы. Р. Даль, рассмотрев ключевые решения местной власти, обнаружил, что на их принятие и непринятие непосредственное влияние оказывает небольшой круг людей во главе с мэром города, ситуационно вступающий в краткосрочные коалиции с держателями основных ресурсов, не связанных между собой. Власть многомерна и рассредоточена в городе, «плюралистична», а мэр не столько является вершиной властной пирамиды, сколько центром круга, что, в общем-то, вполне соответствует идеалам американской демократии. Тем не менее дискуссия о структуре власти на местах была далека от завершения и в 1970-е гг. появились объединительные подходы. Один из них – «теория режимов», предложенная американским исследователем Кларенсом Стоуном, построена вокруг формирования неформальных и формальных договоренностей между основными акторами для преодоления трудностей коллективного действия и выработки объединяющей «повестки»⁷. Российские исследователи (А. Чирикова, В. Ледяев, В. Гельман и др.), работающие в этом русле, хотя и не обнаруживают полноценных (по Стоуну) режимов в исследуемых городах, но показывают ее релевантность российскому контексту и отмечают ряд специфических особенностей функционирования власти (недобровольность объединений, приоритет эгоистичных интересов, «двойную» идентичность, закрытость, приоритет неформальных практик и т.д.)⁸.

Рассмотренный комплекс работ позволяет выделить две переменные: властные отношения (власть) и город. Последний понимается нами близко к тому значению, которое вкладывал в этот концепт американский социолог Луис Вирт, определивший его как производную трех параметров: размер, плотность, гетерогенность⁹. Можно предположить, что различные сочетания этих параметров выступают условиями для формирования разнообразных построений властных отношений, формальных и неформальных институтов.

Американский ученый мексиканского происхождения М. Деланда предложил онтологию, позволяющую проследить изменения на различных уровнях: индивидуальном, сетевом, городском и государственном. Развивая концепт сборки Ж. Делёза и Ф. Гваттари, он предлагает принципиально новый взгляд на мир социального, где основным понятием выступает «ассамбляж» – процесс и результат взаимодействия двух или более автономных

³ Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51.

⁴ Кордонский С. Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов [Электронный ресурс] // Симон Кордонский. Simon Kordonsky: personal blog. URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (дата обращения: 07.07.2025).

⁵ Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М., 2009.

⁶ Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М., 2007.

⁷ Ледяев В.Г. Социология власти. теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М., 2012. С. 242–275.

⁸ Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М., 2017.

⁹ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М., 2016.

самодостаточных компонентов, при котором возникает новая необратимая и упорядоченная неединая целостность, обладающая новым набором качеств и свойств, позволяющая ему устанавливать собственные границы и строить отношения с другими ассамбляжами. «Ассамбляжи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости – это ассамбляжи сети из нескольких сообществ; центральные правительства – это ассамбляжи нескольких организаций; города – это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства – это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами»¹⁰.



А.В. Веселков. Сон и явь.
Городские аллюзии. 2025 г.

Развитие ассамбляжа города М. Деланда рассматривает как изменение значений материальной и экспрессивной составляющей. Материальную роль в зданиях выполняют те компоненты, которые позволяют им быть *успешными несущими конструкциями*, а экспрессивность достигается демонстрацией роскоши или сакрального статуса. Введение новых технологий (изменение материальной составляющей) имеет определенные экспрессивные последствия. Например, появление лифта изменяет статус этажности: если ранее низкие этажи считались признаками высокого статуса, то после появления лифтовых кабин порядок изменился на противоположный. Традиционно центр города является привилегированным местом и играет большую роль в определении идентичности города. Но, например, изменение границ рабочих районов происходит с появлением электротранспорта и позволяет труженикам уже не проживать в непосредственной близости от фабрик. Город развивает транспортную систему, он начинает терять свою моноцентричность, его историческая идентичность также может претерпевать изменения, он может расти или уменьшаться, эмерджентный паттерн урбанистических центров выступает в качестве «окаменевшей в пространственной структуре системы» памяти об этой разрушающей симметрию последовательности. Есть две модели этих эмерджентных паттернов.

Иерархия центральных мест. Каждый уровень городов предоставляет услуги для нижестоящего уровня и добавляет к ним другие. И эти добавленные услуги создают ресурсозависимость одних уровней от других.

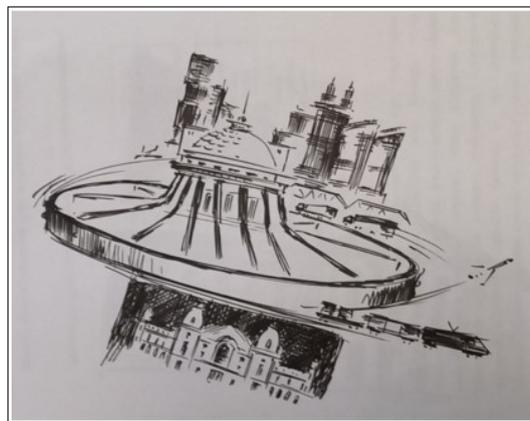
Сети морских портов. Город прежде всего транзитный пункт, узел (node), специализирующийся на подмножестве неразделяемых с другими видами экономической деятельности, где доминирующие узлы обычно монополизируют наиболее прибыльные виды деятельности.

Иерархии центральных мест и морских портов как ассамбляжи содержат различные компоненты, играющие материальные и экспрессивные роли, демонстрирующие господство. Признаки богатства и статуса – убранство церквей и пышность церемоний, всему этому придается основное значение в иерархических местах. Столица впитывает и перерабатывает одаренную молодежь из провинции и отправляет ее обратно уже как носителей центральной культуры. В морских портах престиж задается уровнем цен, высокой стоимостью жизни и высокой инфляцией при изобилии товаров. Город представляет собой внешний портал и дает возможность своим жителям находиться в постоянном контакте с чужаками с сохра-

¹⁰ Деланда М. Новая философия... С. 13.

нением определенной гетерогенности без попыток интеграции и постоянного синтеза¹¹.

В этой работе будет рассмотрен только тот уровень города, который касается непосредственно властных отношений и операционализован нами через концепт «политико-административный режим», представляющий собой индивидуальную эмерджентную целостность, в которой основную роль выполняют властные отношения. Обычно последние рассматриваются в рамках одной из двух основных традиций: в первой они представлены как игра с нулевой суммой и в фокусе внимания неравенство ее объемов у разных групп («власть над»), во второй – как коллективный ресурс, без которого невозможно совместное действие и увеличение «общего блага» («власть для»).



А.В. Веселков. Сон и явь.
Городские аллюзии. 2025 г.

Ирландский профессор Марк Хаугаард предположил, что эмпирический процесс властвования (принуждение, блокирование, манипуляция, социализация) имеет оба измерения: и доминирования, и расширения возможностей. «Власть над» первична, но именно она обладает потенциалом для создания позитивной, а не нулевой суммы¹². В рамках его подхода выделим основные паттерны власти, которые в нашей работе будут обозначены как паттерн контроля (power of control, доминирования, игры с нулевой суммой, «власти над») и паттерн координации (concerted power, совместная власть, эмансипация, власть вместе, игры с ненулевой суммой, «власти для»). По мнению М. Хаугаарда, любые властные отношения содержат в себе оба потенциала: и доминирования, и эмансипации, но если А (эпизодически принуждающий В к подчинению) и В (подчиняющийся, но не согласный с целями А) вступают в долговременные структурные отношения, то при регулярном воспроизводстве структур у В появляется гипотетический шанс добиться реванша в будущем. Этот шанс, «свобода к перестройке отношений»¹³, на наш взгляд, становится возможным при соблюдении как минимум трех условий: рассмотрения и публичного обсуждения возможных альтернатив решения проблем, прозрачных институционализированных процедур при принятии решений и разделяемых в сообществе правил по сохранению действующей инфраструктуры, обеспечивающей повседневное выживание сообщества.

Предлагаем ввести понятие «политико-административный режим города» как регулярное взаимодействие в городских границах людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры, где индивидам, находящимся на легитимных властных позициях, предоставляется возможность осуществлять целевое воздействие на другие компоненты и влиять на правила доступа к позициям доминирования. Экспрессивная (политическая) роль режима определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции альтернативных кандидатов и их проектов. Маркер – соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной конкуренции за голоса электората. Материальное (административное) измерение режима связано с чистотой формальных процедур. Маркер – отсутствие искажений (аббераций) итогов голосования на выборах. Полюсами континуума выступают две «идеальные модели»: персонифицированной (харизматической) абберации (паттерн контроля, отсутствуют оба маркера) и коалиционной прозрачности (паттерн координации, оба маркера присутствуют).

Третьей составляющей городского режима выступает инфраструктурное измерение, под которым понимаются комплексы сооружений и технологий, поддерживающих повседневную жизнь и экономическую активность в сообществе. Маркер – «степень связан-

¹¹ Деланда М. Новая философия... С. 131–133.

¹² Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30–61.

¹³ Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего... С. 419–420.

ности» – включает состояние и удобство городских коммуникаций (на материальном полюсе), способы и содержание исторической саморепрезентации сообществ (на экспрессивном).

В этом случае логично предположить, что в ансамблях городов-портов, выделенных М. Деландой, ориентированных на коммуникацию с другими городами, будут созданы условия, благоприятные для формирования режима координации, а в городах – центральных местах, больше связанных с прилегающей территорией, – режима контроля. Для проверки этого предположения рассмотрим политические процессы, происходящие в городах, на макроисторическом уровне.

Идея о том, что города появляются тогда, когда достигнут определенный уровень материального благосостояния, вызвала мало сомнений. Агрокультурная революция – оседлый образ жизни – возникновение излишков – рост населения – специализация – классовое разделение – необходимость защиты собственности (родовой, племенной личной) – возникновение городов. С небольшими изменениями примерно такая линия развития была определяющей и, главное, подтверждалась археологическими находками. Альтернативную точку зрения, где сначала религия, затем храм и только после этого оседлость, переход к земледелию и строительство деревни, превращаемой в город, предлагал уже Льюис Мамфред, но до 1995 г. она не получала археологических подтверждений. В этот год в Турции археологи начали раскапывать участок Гебекли-Тепе и обнаружили около десятка культовых стел (до 5 м и 7 т веса возрастом примерно 11 тыс. лет) с причудливой резьбой. Строители этого сооружения вели несельскохозяйственный образ жизни, сооружения имели религиозную ценность и служили закреплению трансцендентального опыта.

Знак, ритуал, закрепление места за высшей силой и жертвоприношение сначала в виде материальных даров, позже в форме молитвы можно рассматривать как универсальные элементы любых сакральных объектов¹⁴. Появление первых городов тем не менее связано с освоением прилегающей территории. Большинство известных поселений появилось в долинах рек (древнейшие расположены на территории Египта, Ближнего Востока, Индии и Китая) около 3,5 тыс. лет до н.э. Как утверждают Д. Гребер и Д. Уэнгроу, социальная структура, по крайней мере нескольких первых городов, вероятно, была эгалитарной (плоские строения и отсутствие выраженной имущественной дифференциации)¹⁵. В Месопотамии в городах проживало от 8 до 15 тыс. человек, города со временем накапливали богатства, разбивались на зоны застройки в зависимости от политического статуса и окружались стенами от менее удачливых и воспитанных современников. Уже в первом дошедшем до нас урбанистическом эпосе «Сказание о Гильгамеше» история начинается с прославления города Урук как места защиты от враждебной природы и далее разворачивается вокруг возникающих одновременно новых страхов, стрессов, зависимостей и утрат¹⁶. «Государства и первые цивилизации считались центром притяжения, привлекавшим людей своей роскошью, культурой и возможностями. В действительности <...> были вынуждены захватывать большую часть населения и удерживать его с помощью рабства <...> страдали от эпидемий»¹⁷. Власть и статус горожанина подчеркивались близостью к дому правителя, храму и архитектурными украшениями жилища. Теснота порождала конфликты и требовала универсальных способов их разрешения, что привело к созданию законов.



А.В. Веселков. Сон и явь.
Городские аллюзии. 2025 г.

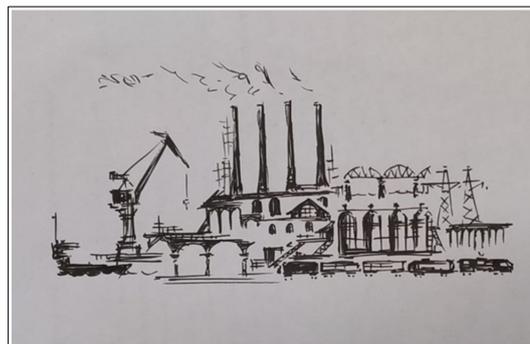
¹⁴ Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М., 2017. С. 162–163.

¹⁵ Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего... С. 235–277.

¹⁶ Уилсон Б. Metropolis: город как величайшее достижение человечества. М., 2021. С. 27.

¹⁷ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2020. С. 12.

Города Древнего Шумера возникали как гражданское государство, разделенное на общины, но состоящее из полноправных свободных граждан, объединяемых общим богом-покровителем, живущим в центральном храме. Шумерский царь выполнял функции верховного жреца и военачальника, что требовало ношения накладных бород и парика, так как на одних храмовых церемониях он должен был быть абсолютно выбрит (символизация чистоты помыслов), на других – представлять свирепость и мужество воина¹⁸.



А.В. Веселков. Сон и явь.
Городские аллюзии. 2025 г.

Божественное в этих поселениях первично по отношению к власти, и храм как основа порядка символизирует солидарность городского сообщества. Религиозное миропонимание обеспечивало высокую сплоченность различных социальных групп и предоставляло, например, древним египтянам возможность участия вместе с правителем в «божественном сотворчестве», а фараон, вступая на престол, обручался с той землей, которой правил, так как земля передавалась по женской линии и принадлежала формально принцессе.

Инфраструктура расположения зданий и сооружений поддерживала легитимность властных групп. Бродель одним из первых исследователей обратил внимание на пространственную ориентацию и статусную дифференциацию городов мусульманского мира¹⁹. Большая мечеть в центре, далее ряды торговцев благовониями, книгами, драгоценностями, ближе к периферии кузнецы, живодеры и торговцы зеленью. Обычным было наличие отдельных еврейского и христианского кварталов.

Большое значение придавалось политическому смыслу городской застройки в Китае. Император – сын Бога должен уметь устанавливать незримую связь между миром природы и человека. Месторасположение столичного города (между сельскохозяйственным югом и кочевым севером), его план и территория отражали небесную космогонию и подчеркивали, что император является центром земного мироустройства. «Исчерпывающая шестисложная формула шести целительных звуков обобщила космические требования имперских архитекторов: “Божественное влияние должно быть благотворным, географические особенности благоприятными, а действия человека должны находиться в гармонии с социальной, культурной и политической ситуацией”»²⁰. Города в Китае похожи друг на друга: широкие стены со временем превращаются из средства защиты в средство внутреннего контроля, прямые улицы делят пространство на ровные кварталы и закрываются на ворота, что в случае каких-либо преступных инцидентов облегчает поимку и скрывает расправу над злоумышленником²¹.

Однородность и иерархическая согласованность формируют политико-административные режимы на основе паттерна контроля с множеством социально-дифференцированных стандартов и традиционной легитимностью, обычно выражаемой в форме монархии. Две доминирующие группы – жрецы и служащие монарху чиновники (реже военные) – устанавливают иерархический порядок в соответствии с мировой космогонией и священными текстами. Освоение территории, сохранение запасов и проблемы выживания требуют организации коллективных усилий, что со временем приводит к процессу разделения труда, последующей социальной дифференциации групп и росту конфликтов по поводу размеров налогов и объемов получаемой ренты, что увеличивает мозаичность и рост конкуренции. В благополучные годы (при достаточном количестве ресурсов) проблемы создания общей солидарности решаются совместными ритуалами, в неблагоприятные – локальными вспыш-

¹⁸ Грин И.Ю. Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М., 2023. С. 23.

¹⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности. С. 471.

²⁰ Ловелл Дж. Необычайно восхитительно: архитектура и власть в Китае. М., 2017. С. 5–7.

²¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 460.

ками насилия. Накопленные богатства служат стимулом для нападения кочевников. После разрушения города, как правило, восстанавливали прежнюю материальную и социально-политическую инфраструктуру в тех же политических параметрах, но с новой династией.

Античные города на разных этапах своего существования демонстрируют большее разнообразие как компонентов, так и способов их согласования, строят властные отношения в рамках и паттернах контроля и координации. Греческий город, связанный с морем, формирует разные конфигурации власти, представляя собой союзы жрецов и воинов, где военизированная Спарта соседствует с торговыми Афинами²². Эгалитаризм связей поддерживался разными способами. В Афинах популярность грозила изгнанием, в Спарте власть принадлежала двум царям и избираемым на год эфорам («надзирателям»), приносящим клятву городу, а божественные законы вообще не предусматривались как элемент управления²³.

Полис – самодостаточная агломерация (автаркия) обеспечивает себя всем необходимым, основную роль играют граждане, владеющие землей. Те, кто землей не владеет (рабы, метеки, торговцы и прочие «понаехавшие»), «правом на город» не обладают. Кроме этого, полис решает политические задачи, осуществляя внешнюю политику, образуя колонии и ведя активную морскую торговлю. Полис управляется сочетанием права быть избранным и обязанностью его защищать при соблюдении принципа равенства. Основным механизмом избирательного права выступало народное собрание (эκκλeσιa) – собрание всех граждан, выбиравших на основе жребия (по сути, случайного отбора) в постоянно действующие органы. Граждане, кроме того, были воинами и всегда могли составить вооруженную конкуренцию действующим органам власти. Но правила демократии распространялись только на них самих, а не на завоеванное население, легко переходившее в разряд рабов. Изгнание из полиса приравнивалось к смертному приговору. Таким образом, реализация власти в греческом городе – это скорее исключение «чужих» и «опасных».

Право на насилие в полисе не было окончательно монополизировано ни одной из групп. Политика как процесс защиты интересов осмысливается именно в греческих полисах в рамках философской рефлексии, в эмоциональных и нравственных категориях. Например, Фукидид выдвигает эмоции в качестве универсального объяснения исторических событий (спартанцы «решили нарушить мир и начать войну из страха перед могуществом афинян»)²⁴. Вообще сильное проявление эмоций в ходе праздников – неотъемлемая черта совместных ритуалов эллинов.

Такая полисная модель может быть эффективной только в небольших объединениях, где все знают друг друга. Она оказалась уязвима для внешнего нападения, и полисы были разрушены сначала македонцами, затем Римом. Политическая изоляция части граждан, их неучастие в принятии значимых решений делают их нелояльными, создают источник постоянного конфликта и восстаний. Этот опыт был учтен, и уже космополитичная Александрия и Рим смогли создать стабильные нормативные модели (единое законодательство) и материальную «инфраструктуру солидарности» – места физической интеграции тел «чужаков» и пролетариев в городское сообщество (общественные бани и бассейны)²⁵.

В древнегреческих демократиях мемориализация образа власти имеет скорее горизонтальный характер. Греческие политические постройки умиротворяют и служат выражением гармонии и равновесия. Полисная демократия хотя и изобиловала интригами и борьбой, тем не менее снимала противоречия законами и голосованием. Римский форум также представлял собой удобное публичное пространство, место для общения и комфортного пребывания. Законы Двенадцати таблиц устанавливали правила жизни в римском мире и детально разбирали все нюансы взаимодействия: соблюдение моральных норм, споры,

²² Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М., 2019. С. 204.

²³ Грин И.Ю. Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М., 2023. С. 120.

²⁴ Платпер Я. История эмоций. М., 2018. С. 70.

²⁵ Уилсон Б. Metropolis... С. 87.

конфликты, словом, все то, что может вызвать сложность в повседневной жизни. Отдельные правила регулировали и ограничивали права собственников на принадлежащее им имущество, землю и воду (сервитуты). Городское устройство, структура власти, правила жизни горожан и система рабовладения стали той основой, на которой выросла идея империи²⁶.

В рамках моделей власти с определенной степенью огрубления можно считать, что от паттерна координации в период античности произошел переход к паттерну контроля с сохранением нормативных ограничений, что позволяет этот режим определить как персонифицированную прозрачность. Римское право регулировало и права императора, и привилегии римлян и способствовало открытости, коммуникациям и мобильности. Демократическая система принятия решений и религиозные ритуалы позволяли выравнивать социальные позиции и усиливали городскую сплоченность, но также способствовали росту индивидуальных притязаний (побочный эффект десакрализации власти), конкуренции, росту конфликтов. Неразрешенные внутренние противоречия, накопление богатств и появление сплоченных и организованных номадов на границах закончились разрушением материальной инфраструктуры, к которой европейские города приблизились только в XIX в.

В контексте идей Д. Гребера и Д. Уэнгроу три элементарные формы господства (контроль над насилием, контроль над знанием и харизматическая власть) кристаллизировались в одну из институциональных форм (суверенитет, административный аппарат и героическая (состязательная) политика) и далее проявлялись в различных сочетаниях²⁷. Города, где возникал режим, близкий к режиму координации, города-порты экспериментировали с различными типами сочетаний господства, так как в них было намного больше возможностей перемещений и непосредственных контактов с представителями других культур, что требовало гибкого ролевого диапазона, навыков коммуникации и умения делать выбор из множества альтернатив. Последнее и стимулировало создание институтов, сочетающих состязание, общие нормы и способность горожан отстаивать свои интересы.

Таким образом, наша гипотеза, проверенная на обобщенном историческом материале, находит свое подтверждение. В городах – центральных местах властные отношения складываются преимущественно в рамках режима контроля, в них за горожанином закрепляется устойчивый и неизменяемый статус и отношения между индивидами и группами строятся преимущественно в рамках иерархичной согласованности. История возникновения и развития городов показывает, что и режимы контроля с централизованным управлением подданными, и режимы координации с их состязательной политикой с активным вовлечением горожан в целом способны обеспечивать горожанам вполне благоприятные и комфортные условия жизни и функционирования инфраструктуры. Однако в режиме контроля сочетание безличной бюрократии, уравнивающей подданных, и сакральной персоны, чьи решения не оспариваются, создает механизм неограниченного господства, приоритета лояльности над профессионализмом, что ведет к увеличению числа ошибок в управлении. Без состязательной политики возможные альтернативы развития не попадают в публичную актуальную повестку, социальный и культурный капитал не растет в условиях ограничения контактов и информации.

На этом этапе исследования мы не претендуем на полноту и бесспорность наших выводов, и их следует рассматривать как приглашение к последующей дискуссии, где различные типы городских ассамблежей становятся основой политического управления и городских режимов. Возникающие города в Сибири – народные, демократичные – называются не аристократичными именами, как их ровесники к западу (Борисов, Царицын, Екатеринбург), а по рекам (Томск, Тобольск), красоте и «дивности сего места» (Красноярск) или этносу древних народов (Якутск)²⁸. Ассамблея власти в сибирских городах в момент своего образования, вероятно, строится по паттерну координации. История этих поселений с конца XIX в. отражает развитие российского общества в оптике модернизационных процессов,

²⁶ Грин И.Ю. Легко ли быть горожанином... С. 275.

²⁷ Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего... С. 347–351.

²⁸ Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 278.

их количество возрастает, успешно развиваются многофункциональные центры, где наряду с торговлей появляется промышленность. Крупные города (Омск, Томск, Барнаул) по внешнему облику стали приближаться к городам европейской части страны. В иерархии торговых городов в 1898 г. первенство удерживают Томск (оборот 27 млн руб.) и Барнаул (6,5 млн руб.), что вполне сопоставимо с Уральским и Северо-Кавказским регионами (Екатеринбург – 28 млн руб., Екатеринбург – 17 млн руб.)²⁹. «В сибирских городах, унаследовав традиционное фрондерство местного купечества под влиянием декабристов, петрашевцев, ссыльных поляков, начинает формироваться не внушающая доверия местным властям сибирская интеллигенция»³⁰. Слово «рассейский» считается обидным, нелюбовь к приезжим, особенно к чиновникам, отмечают многие путешественники, что вызывает беспокойство кабинета министров, указывающих на необходимость укрепления в этих краях православия, русской народности и гражданственности. «Сибирский вопрос», возникший одновременно с «украинским вопросом», в политической основе опирался на крестьянскую поземельную общину, местную автономию и самоуправление. Позже, в условиях советской сверхцентрализации, принудительного труда заключенных и комсомольского энтузиазма, эти по сути социалистические идеи и практики взаимодействия по паттерну координации исчезли.

Сегодня влияние территориального пространства на города в современной России находится в фокусе междисциплинарных исследований, и предложенный корпус расширенных гипотез нашел свое подтверждение и на кратком временном отрезке контрастных политических историй сибирских городов с 1991 по 2021 г.³¹

Литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв.: в 3 т. М.: Весь мир, 2007. Т. 1: Структуры повседневности. 592 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.

Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М.: Ad Marginem, 2025. 560 с.

Грин И.Ю. Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М.: Бомбора, 2023. 496 с.

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 164 с.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35–51.

Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 472 с.

Комин М. От полиса к мегаполису. Как происходит и как меняется коммуникация города и его горожан [Электронный ресурс]. URL: <http://region.gaidarfund.ru/articles/3069/tab1> (дата обращения: 07.07.2025).

Кордонский С. Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов [Электронный ресурс] // Симон Кордонский. Simon Kordonsky: personal blog. URL: <http://kordonsky.ru/?p=29> (дата обращения: 07.07.2025).

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.

Ловелл Д. Необычайно восхитительно: архитектура и власть в Китае. М.: Strelka Press, 2016. 50 с.

²⁹ Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в: Население. Экономика. Застройка и благоустройство: монография. Барнаул, 2014. С. 111.

³⁰ Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 25.

³¹ Пустовойт Ю.А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11, № 2. С. 74–103.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007. 884 с.

Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 561 с.

Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.

Пустовойт Ю.А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11, № 2. С. 74–103.

Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М.: Strelka Press, 2019. 267 с.

Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. 303 с.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 328 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство: монография. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 360 с.

Уилсон Б. Metropolis: город как величайшее достижение. М.: Бомбора, 2021. 538 с.

Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30–61.

Чурикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

References

Braudel, F. (2007). *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm: XV–XVIII vv.: v 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti* [Material Civilization, Economy, and Capitalism: 15th – 18th Centuries. In 3 vols. Vol. 1. Everyday Life Structures]. Moscow, Ves' mir. 592 p.

Chirikova, A.E., Ledyayev, V.G. (2017). *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a Small Russian Town]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 414 p.

Dameshek, I.L., Dameshek, L.M., Zinoviev, V.P. (2007). *Sibir' v sostave Rossiyskoi imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p.

DeLanda, M. (2018). *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhey i sotsial'naya slozhnost'* [The New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity]. Perm', Gile Press. 164 p.

Greber, D., Wengrow, D. (2025). *Zarya vsego. Novaya istoriya chelovechestva* [The Dawn of Everything. A New History of Humanity]. Moscow, Ad. Margenim. 560 p.

Grin, I.Yu. (2023). *Legko li byt' gorozhaninom: kak Antichnost' i Srednevekov'e zalozhili uklad povsednevnoy zhizni* [Is It Easy to Be a City Dweller? How Antiquity and the Middle Ages Laid the Foundations of Everyday Life]. Moscow, Eksmo, Bombora. 496 p.

Haugaard, M. (2019). *Pereosmyslenie chetyrekh izmereniy vlasti: dominirovanie i rasshirenie vozmozhnostey* [Rethinking the Four Dimensions of Power: Dominance and Empowerment]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 30–61.

Kavtaradze, S. (2017). *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle* [Anatomy of Architecture. Seven Books on Logic, Form and Meaning]. Moscow, Izd. dom "Vysshaya shkola ekonomiki". 472 p.

Komin, M. *Ot polisa k megapolisu. Kak proiskhodit i kak menyaetsya kommunikatsiya goroda i ego gorozhan* [From the Polis to the Metropolis. How Communication Between a City and Its Citizens Happens and How It Changes]. Available at: URL: <http://region.gaidarfund.ru/articles/3069/tab1> (date of access 07.07.2025).

Kordonskiy, S. (2011). *Mestnoe samoupravlenie ili Munitsipal'naya vlast', prokrustovo lozhe munitsipal'nykh zakonov* [Local Self-government or Municipal Power, the Procrustean Bed of Municipal Laws]. In *Simon Kordonsky: personal blog*. Available at: URL: <http://kordonsky.ru/?p=293> (date of access 07.07.2025).

Ledyayev, V.G. (2012). *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of Power: Theory and Experience of Empirical Research of Power in Urban Communities]. Moscow, ID NIU VShE. 472 p.

Lovell, J. (2016). *Neobychno voskhititel'no: arkhitektura i vlast' v Kitae* [Unusually Delightful: Architecture and Power in China]. Moscow, Strelka Press. 50 p.

Mills, Ch.R. (2007). *Vlastvuyushchaya elita* [The Ruling Elite]. Moscow, Direkt-Media. 884 p.

Plamper, J. (2018). *Istoriya emotsiy* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 561 p.

Plyusnin, Yu.M., Kordonsky, S.G., Skalon, V.A. (2009). *Munitsipal'naya Rossiya: obraz zhizni i obraz mysley. Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Municipal Russia: Way of Life and Way of Thinking. Experience of Phenomenological Research]. Moscow, TSPI MSU. 146 p.

Pustovoyt, Yu.A. (2024). Usloviya i etapy stanovleniya politiko-administrativnykh assambley v gorodakh Sibiri [Conditions and Stages of Formation of Political and Administrative Assemblies in the Cities of Siberia]. In *Vlast' i elity*. Vol. 11, No. 2, pp. 74–103.

Revzin, G. I. (2019). *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the City is Arranged: 36 Essays on the Philosophy of Urban Studies]. Moscow, Strelka Press. 267 p.

Rezun, D.Ya., Vasilevsky, R.S. (1989). *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 303 p.

Scott, J. (2020). *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain: The Deep History of the Most Ancient States]. Moscow, Izdatel'skiy dom "Delo" RANEP. 328 p.

Skubinevsky, V.A., Goncharov, Yu.M. (2014). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo: monografiya* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul, IP Kolmogorov I.A. 360 p.

Turovsky, R.F. (2015). Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoy passivnosti [Russian Local Self-government: An Agent of State Power Trapped in Underfunding and Civil Passivity]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 35–51.

Wilson, B. (2021). *Metropolis: gorod kak velichayshee dostizhenie* [Metropolis: The City as the Greatest Achievement]. Moscow, Bombora. 538 p.

Wirth L. (2016). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. Moscow, Strelka Press. 108 p.